

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический институт (филиал в Нижнем Тагиле), Нижний Тагил, Россия
u.b.serikov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НЕСТАНДАРТНЫЕ ПРИЕМЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Yu.B. Serikov

Russian State Professional-Pedagogical University
(Nizhniy Tagil branch), Nizhniy Tagil, Russia

SOME NONSTANDARD METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTIONS

ABSTRACT: This article focuses on the description of some details which were obtained during excavations. Due to these details it is possible to concretize some aspects and spheres of life and activity of ancient people. Next steps can help us reach the following goal: individual fixation of all artefacts without any exceptions, maximally full uncovered area of settlement and total extraction of cultural remains (washing). Life of ancient people was much more diverse than we usually imagine according to remains of material culture. Modern scientists want to know how settlements functioned (the season of building, priority of building, repairs and so on); what the hunting territory of family and of tribe was; what the economic cycles (trade calendar) of ancient people were; with what tools humans came to the settlement. And we can raise such questions. Finally, all of them are connected with concretization of life of ancient people. If we want to find the answer for these questions, first of all we should raise these questions during the process of archaeological research.

В наше время археологу уже мало обобщенных знаний о жизни древних людей. Она была гораздо более разнообразной, чем мы ее представляем по остаткам материальной культуры. Хочется знать, как функционировало поселение (сезон строительства, очередность постройки, ремонт и т.д.); какова охотничья территория рода, племени; как выглядели хозяйственные циклы (про-

мысловый календарь) древнего человека; с какими орудиями человек приходил на стоянку, а какие делал уже на ней. И таких вопросов можно поставить немало. В конечном счете, все они связаны с конкретизацией жизни древнего населения. Чтобы ответить на них, их, прежде всего, нужно ставить в процессе археологического исследования. Для их решения нужна индивидуальная фиксация всех без исключения находок, максимально полная вскрытая площадь памятника и полное извлечение культурных остатков.

Мезолитическое сезонное поселение Выйка-II располагается на склоне террасы на высоте 14–16 м. Топография для мезолитических памятников Среднего Зауралья абсолютно нетипичная, поэтому и обнаружено поселение было совершенно случайно. Подобная топография выявлена еще в двух случаях. Мезолитическое поселение Кондинское-III находится на самой высокой точке песчаного берега р. Конды (Западная Сибирь) — на высоте 14 м. Немного ниже (на высоте 12–13 м) располагается мезолитическое поселение Уральские Зори-III (р. Тура). Все три памятника однослойные, что для территории Среднего Зауралья является большой редкостью. На всех памятниках выявлены наземные жилища. Во всех случаях ниже по склону находятся многослойные памятники, на которых присутствуют и мезолитические комплексы. Анализ данной «конкретной ситуации» в сочетании с другими фактами показал, что все памятники являются весенними. А их необычная топография могла быть связана с катастрофическим наводнением, при котором вода поднялась минимум на 12 м [Сериков, 1999, с. 43–44]. Можно предположить, что на этих трех памятниках проживали группы населения (охотников), переживавшие чрезвычайно высокий весенний паводок. Их появление в столь неудобном для проживания месте (на склоне горы) можно объяснить важным значением того хозяйственного цикла, пропуск которого мог поставить под угрозу само существование конкретной социальной группы мезолитического населения. Таким хозяйственным циклом могла быть весенняя поковка [Сериков, 2003, с. 72–74].

При раскопках мезолитических памятников неоднократно встречались скопления мелких (3–6 мм) галечек диаметром 9–13 см. Их природа оставалась непонятной до тех пор, пока на Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянке подобные скопления не были зафиксированы среди костей птиц. Известно, что осенью боровая птица переходит на грубую пищу (хвою) и для облегчения ее перетирания заглатывает мелкие камешки (гастролиты). Таким образом, данная «конкретная ситуация» свидетельствует не только об охоте на птицу (на береговых памятниках Среднего Зауралья кости не сохраняются), но и характеризует сезон (осень), когда эта охота происходила. Расшифровка «конкретной ситуации» дает выход на реконструкцию промыслового циклического календаря [Сериков, 2003, с. 72–74].

Еще одна «конкретная ситуация» зафиксирована все на том же поселении Уральские Зори-III. На нем оказался необычайно высок процент изделий из бурой яшмы — 45,6%. На других мезолитических памятниках Среднего Зауралья изделия из яшмы не превышают 1,5%. На первый взгляд этот факт может свидетельствовать о перемещении населения с Южного Урала на Средний. Однако проведенный ремонт изделий из бурой яшмы показал, что большая часть их является сколотой с желвака галечной коркой. Детальное исследование яшмового комплекса позволило установить, что на поселении расщеплено и обработано 3–4 яшмовых желвака средних размеров (15–20 см в диаметре). Скалывание галечной корки с целью добраться до нетронутой эрозией сердцевины желвака и членение этой сердцевины на заготовки нуклеусов с последующей их обработкой и привело к появлению на поселении такого значительного яшмового комплекса. Этим же объясняется и большое количество в комплексе отходов обработки нуклеусов: поперечных, технических, ребристых сколов и ребристых пластин. Сейчас уже установлено, что описанная «конкретная ситуация» — обилие на памятнике цветного сырья (прежде всего яшмы и халцедона) — является свидетельством его весеннего функционирования. Весной паводковые воды размывают берега и вскрывают прибрежные галечники, откуда местное население и выбирало в первую очередь бросающееся в глаза цветное сырье — яшмы (бурые, красно-зеленые) и халцедоны (красные, желтые, оранжевые). В пользу весеннего характера памятника свидетельствуют и другие факты: затертая верхняя поверхность камней и высокое расположение памятника над уровнем воды [Сериков, 1999а, с. 38–40].

Данная «конкретная ситуация» повторилась еще на одном памятнике — Гаринской палеолитической стоянке на р. Сосьве. Здесь в ходе исследований выяснилось, что 54% всех каменных изделий

выполнено из разных видов яшм (сургучной, зеленой, красно-зеленой, серой). Однако решена данная ситуация была по-другому. Присутствие на 56,5% изделий галечной корки свидетельствует о местном происхождении сырья. О весеннем характере памятника дополнительных сведений не имеется. Поэтому предпочтение яшмового сырья могло быть традицией, которая сформировалась на территории первоначального обитания, т.е. на Южном Урале. Некоторые детали (например, снятие карнизика на нуклеусе при помощи абразивной обработки) подтверждают это предположение — пока такая подработка выявлена только на южноуральских палеолитических памятниках [Сериков, 2007, с. 56].

Еще одна локальная ситуация на Гаринской стоянке помогла уточнить характер памятника. Всего на стоянке было собрано около 600 находок, среди них 20 нуклеусов. Казалось бы, памятник можно охарактеризовать как кратковременную стоянку. Однако разнообразие и индивидуальность минерального сырья показало, что на памятнике обрабатывалось не менее 162 нуклеусов [Сериков, 2007, с. 44]. А этот факт нельзя не учитывать при оценке характера памятника. Если исходить из функциональной дифференциации сибирских палеолитических памятников, то его можно классифицировать как жилую стоянку [Васильев и др., 2005, с. 90].

Так называемые «связи» (аппликации) тоже являются описаниями, расшифровка которых приводит к интереснейшим реконструктивным построениям. На мезолитическом поселении Выйка-П было изучено три наземных жилища. Соответственно встал вопрос об их одновременности. Или на это место в разное время приходили три небольших группы охотников, или же здесь один раз проживал значительный коллектив охотников. Решение этого вопроса открывало широкие возможности для определения хозяйственной направленности памятника и т.п. Решающую роль в данной ситуации сыграл, на первый взгляд, бросовый материал — расколотая галька (289 экз.). Всего было склеено 32 гальки из 173 фрагментов. Три гальки собраны практически полностью — из 18, 26 и 42 фрагментов. Именно их фрагменты оказались во всех трех жилищах, что и доказало их одновременность [Сериков, 1983, с. 121–130].

«Конкретные ситуации» могут проявляться и в минеральном сырье. Так, анализ минерального сырья на мезолитической Голокаменной мастерской и поиск его на окружающей территории позволил прийти к реконструкции социального плана. Было установлено, что голокаменные алевротуфы использовались только в мезолитическую эпоху. В последующие эпохи из-за своих неважных изотропных свойств это сырье уже не использовалось. Следовательно, на территории своего распространения голокаменный алевротуф являлся индикатором мезолита. Вокруг Голого Камня на расстоянии 8–21 км находятся 3 древних озера (Черное, Горбуновский и Полуденский торфяники). На каждом из них есть долговременное мезолитическое поселение, в комплексах находок которого определенную часть (от 17 до 24%) составляют изделия из голокаменного алевротуфа. Петрографические анализы показали их полную идентичность на всех четырех памятниках. Других долговременных поселений в этом районе нет, на кратковременных стоянках голокаменное сырье встречается в небольших количествах. Отсюда можно сделать предположение, что Голокаменная мастерская «обслуживала» три родственные группы населения, объединенные между собой в рамках более крупного социального подразделения. Находки же голокаменного сырья на кратковременных стоянках позволяют очертить границы территориальных владений данного подразделения. Они представляют овал, вытянутый вдоль Уральского хребта на 50–55 км и имеющий ширину до 20 км. Возможно, эти данные отражают существовавшую в эпоху мезолита социально-племенную (?) организацию местного населения [Сериков, 1988, с. 203–209].

Можно привести множество подобных примеров, когда расшифровка «конкретных ситуаций» приводит к интересным выводам. При их помощи реконструируются выход из наземного жилища, время (сезон) выкапывания ям, определяются наложенные друг на друга наземные жилища, восстанавливается даже направление господствующих ветров в древности.

Список литературы

1. Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Сеницына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
2. Сериков Ю.Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка-П (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121–130.

3. Сериков Ю.Б. О «потопе» — катастрофическом наводнении в эпоху мезолита // Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 43–44.
4. Сериков Ю.Б. Мезолитическое весеннее поселение Уральские Зори-III // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999а. Вып. 3. С. 29–40.
5. Сериков Ю.Б. Хозяйственный циклический календарь и его отражение в археологическом материале // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2003. С. 72–74.
6. Сериков Ю.Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4. С. 203–209.
7. Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. 138 с.